

О последних балетах Мориса Бежара то и дело доползали всякие странные слухи. Что он поставил спектакль памяти своего давнего друга Джанни Версаче. Или памяти своего давнего друга Фредди Меркьюри. Или памяти обоих. Что он проиграл судебный процесс с бельгийским хореографом, обвинившем его в плагиате. Что украл он у своего соотечественника ни много ни мало крылатого ангела с телевизорами, привязанными к ногам. Компания Версаче, Меркьюри и виртуального ангела казалась подозрительной. Но мы знали твердо: Бежар — величайший хореограф XX века. В конце концов, в балете не важно про что и в честь кого — важно как.

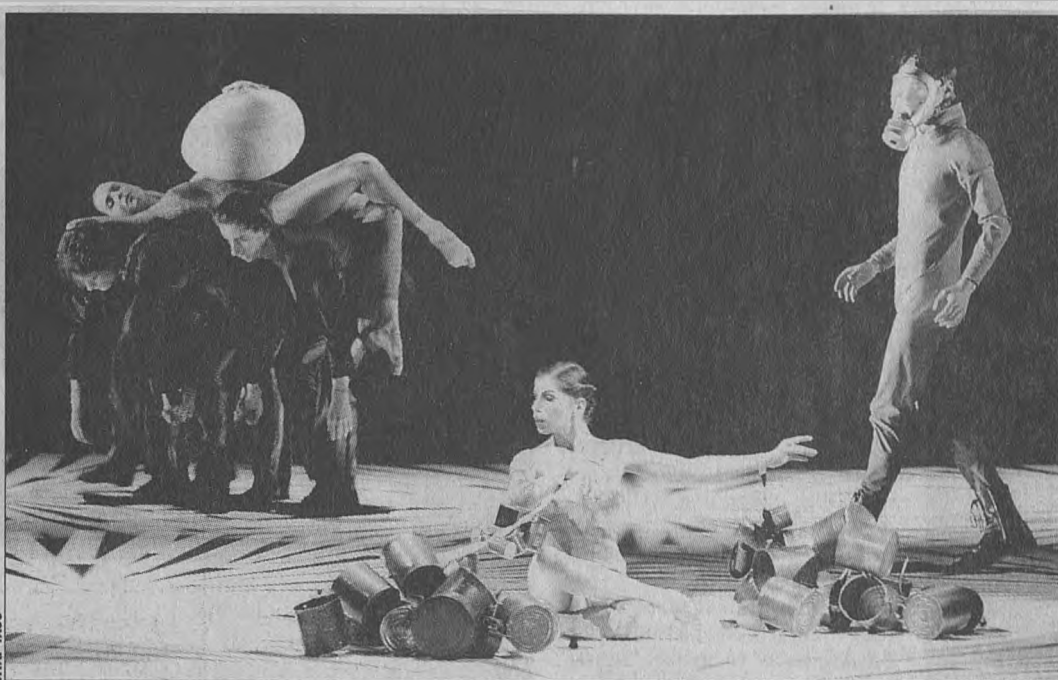
Те, кому билетов не досталось, безгласно утверждали, что балетцы-то так себе. Престарелый maestro выдохся. Экологическая тема, противогазы, много мелодекламации, час сорок без перерыва.

Шепот завистников нас не оставил. Да и противогазы были обещаны от Версаче.

Устроители бежаровских гастролей перевели название балета как «Метаморфозы». В оригинале он называется Mutation, т.е. «Мутации». «Метаморфозы» звучит, вероятно, благороднее, а кроме того, напоминает о «Мальро, или Метаморфозы богов» — балете, благодаря которому мы когда-то твердо уяснили, что Бежар — величайший хореограф XX века.

Нынешний балет отличается от тогдашнего (увиденного нами в 1987 году) так, как метаморфозы богов отличаются от человеческих мутаций. Бежаровский стиль и впрямь мутировал. Возможно, виной тому экология, про которую он поставил спектакль.

Балетное либретто изложили в буклете словами самого Бежара: «Жертва разрушения природы, промышленного загрязнения окружающей среды и ядерных войн, планета погибает. Только маленькая группа людей выжила в условиях этой катастрофы. Они покидают Землю на борту последнего космического корабля.

ИТАР-ТАСС

В новом балете Бежара даже противогазы — от Версаче

Русский телеграф, -1998, -18 апр. - с. 7

Метаморфозы богов

Новый балет Мориса Бежара на московской сцене

Но до своего отлета, несмотря на боль и тяжесть потери, они решают в последний раз на Земле, являвшейся для них раем, исполнить танец!»

Танцуют бежаровские персонажи на фоне экрана, на который то и дело проецируются картины «загрязнения окружающей среды» и «ядерных войн». Периодически они кричат в зал: «God! Give us only five minutes!» Бог великодушно дает и пять, и десять, и полтора часа. Они танцуют, просят еще и опять корчатся посреди свалки цивилизации. На сцене — мусорные ящики, консервные банки и даже противогазы haute couture — неизменные приметы апокалиптического перформанса. Герой держит в руках стакан чистой воды и угрожающе предупреждает, что скоро и такого на Земле не останется. Мужчины в трусах (наверно, тоже от Версаче) таскают автоматы. Одетые мужчины тан-

цуют «Умиряющего лебедя» — такого мы не видели со времен студенческих капустников. В финале главный герой остается на Земле, потому что видит цветы. Между клумбами уверенно бегает белокурая девочка в кисейном платье: «Надежда — это всегда победа!» (Это опять из буклета).

Все это похоже на дурно понятый драмбалет. Видимо, семидесятилетний Бежар и впрямь в ужасе от того, что живет в мире, где пьют загрязненную воду, умирают от СПИДа и становятся жертвами маньяков. Раньше такое зрелище назвали бы театром морального беспокойства. Сегодня отписали бы по гринписовскому ведомству.

Но мы-то знаем, что Бежар — величайший хореограф XX века! Что им поставлены «Весна священная» и «Болеро»! Что же танцы-то?

Танцы — самое печальное в бежаровских мутациях. Натянутые

как чахлые цветы в вязкую клумбу апокалиптического действа, они производят впечатление полной хореографической немоты. Привычно тренированные тела — и ни страсти, ни фантазии, ни композиционной строгости. Вяло, длинно, скучно. Невозможно поверить, что раскаленную пружину «Болеро» и эту старческую просветленную аллегию раскрутил один человек.

Вот мы и добрались до главного — до проблемы старости. Бежару семьдесят один. Балетные обозреватели, перечисляя его заслуги перед искусством XX века, утверждают, что он давным-давно заслужил свое право на старость. Скорее всего, это так и есть. Но вот мушкетер Портос однажды пробормотал: «Я уважаю старость, но не в вареном и не в жареном виде».

КАРИНА ДОБРОТВОРСКАЯ